

Вчера и сегодня

Мария Ивановна Зимненко, почётный гражданин города, председатель Алапаевского горисполкома в 1963-1967 годах.

Родилась Мария Ивановна в Сибири в украинской семье Норенко, которая по столыпинской реформе в начале прошлого века переехала в Алтайский край из Полтавской губернии. После окончания учительского института работала учителем в Зырянской, Верхнесинячихинской школах, директором школы № 15 г. Алапаевска. Муж Марии Ивановны, Орест Зимненко, был начальником Зырянского, Верхнесинячихинского участков Алапаевского рудоправления.

Из воспоминаний Марии Ивановны Зимненко:

– Однажды мне сказали, что на рудник приехал новый начальник Северного участка (Зырянского) Орест Зимненко, как оказалось потом – мой будущий муж. Он был эвакуированным из Кривого Рога, ему было поручено сопровождать горное оборудование на Урал. Сначала работал в Картахал, потом трест перевёл его в Зыряновку.

На Зырянских шахтах работали настоящие люди: сильные духом, умные. Со многими из них мы потом дружили долгие годы. Шахты выполняли план на сто сорок-сто пятьдесят процентов, железная руда Алапаевского месторождения очень ценилась.

Всем нам было жаль, когда в 1963-1965 годах шахты Зырянки, Алапаевска, Синячихи по решению Правительства СССР были закрыты, законсервированы. Больше двухсот пятидесяти лет в Алапаевске добывали железную руду, и вот – всё! Жаль было людей, предприятия...

После освобождения от немцев Кривого Рога и Марганца, Ореста Федотовича звали обратно, на Украину, но он решил не возвращаться, остался на Урале.

Горькая судьба сложилась у его брата Трофима. Он был комиссаром партизанского отряда. Всё, что произошло с братом, в письмах по-

Мария Ивановна Зимненко

сле освобождения Марганца от фашистов рассказала мать Ореста. Это была прекрасная женщина, с чудным голосом: до войны её приглашали в Харьковскую оперу, но четверо детей... Она писала, что брат Ореста был жестоко казнён фашистами.

До войны Трофим был первым секретарём горкома комсомола. С началом войны не эвакуировался, ушёл в партизанский отряд, был комиссаром, участвовал в боевых операциях. В декабре 1941 года отряд взорвал склад с вооружением и начал отходить. Трофим вдвоём с бойцом Савелием прикрывали отход. Отряд ушёл, а Трофим и Савелий, раненые и обмороженные, оказались рядом с хатой матери. Трофим предложил зайти к матери, отдохнуть, а ночью уйти в лес.

На стук в окно мать открыла дверь и испугалась их вида. Быстро помыла, перевязала, накормила и уложила спать. Что делать – не знала: кругом фашисты. В соседнем доме жил Стефанов, директор школы, который при встрече с ней всегда интересовался, что слышно про сыновей (все четверо были активными, Орест – член партии, трое других – комсомольцы. Жена директора была немка, преподавала в школе немецкий язык).

Мать не знала, что директор – тайный агент фашистов, у него даже был телефон. Пошла с ним посоветоваться, что делать, сказала, что ребята раненные. Тот её успокоил, отправил домой, сказав, что сейчас придёт к ним и вместе решат, что делать. Не успела она дойти до хаты, как немцы окружили её, связали спящих Трофима и Савелия, потащили в гестапо. Их пытали, требовали назвать местонахождение партизанского отряда. Но они ничего не сказали.

На следующий день на площади собрали народ, привезли Трофима и Савелия. И собаки их живыми растерзали на куски. Мать заставили вытаскивать из колодца оружие ребят. В доме была корова – спасение матери и близких от голода. Фашисты привезли ей во двор двадцать щенят и заставили её отдавать всё молоко этим собакам, следили, чтобы она не взяла себе ни капли.

Но и это ещё не всё. После войны был суд. Стефанову дали двадцать пять лет тюрьмы, тогда не было статьи о казни. В Сибири вместе с ним сидели не только политзаключённые, их было мало, но предатели, воры, бандиты. Все они потом, в пятьдесят третьем по распоряжению Хрущёва были выпущены из тюрем, стали «жертвами» политических репрессий. Но нельзя было выпустить таких, как Стефанов! Надо было по каждому тщательно разбираться!

Жена предателя от него отказалась, но отправляла ему посылки через Зыряновку: сначала посылка шла брату, он менял обшивку и отправлял в Сибирь. А вернулся домой, выходил в огород, пел песни, всем своим видом показывая матери Трофима, Дарье Николаевне, что вот я, мол, жив, здоров, а твоего сына нет!

Мария Ивановна искренне радовалась, когда в 2014 году Крым стал российским. «Крым наш! – говорила она, – отдать его Украине просто так мог только неумный Хрущёв!»

В этом же году, накануне любимого праздника – Дня учителя – Мария Ивановна ушла из жизни.

**Подготовила
Людмила МАТВЕЕВА**